

ста», а при сём предписал выполнить эти работы «сколько можно поспешнее, с большою бережливостью суммы против сметы». И добавил: «А сколько на всю поправку будет употреблено денег, мне донести в своё время, приняв все меры, чтобы починка была начата тотчас, дабы не упустить времени исправить в течение настоящей осени, в предупреждение повреждения от весной воды...».

11 сентября. Заняться мостом дума поручила гласному М. Клестову. Он сообщил о вызове рабочих и заготовке «надлежащего количества леса». А через два дня городская полиция известила, что «плотники Егор Туголупов со товарищи, всего шестнадцать человек, препровождаются за пристром в градскую думу, дабы та благоволила за надлежащую плату употребить их на работу».

Так начались работы по «поправке», а затем и строительству моста через Ушайку. В конце года, 16 декабря, в думу поступило предложение от четырёх томских мещан, готовых взять подряд на ремонт моста и привлечь своих рабочих. Они обязались закончить «поправку» за два месяца и пять дней по своему проекту, и в срок уложились. Сооружение было отремонтировано, что обошлось городу почти в 2 тысячи рублей. Но в обновлённом виде мост простоял лишь три года.

1817 год

20 сентября. Губернатор В.Д. Илличевский пишет в думу:

Сибирская старина

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 24

2005

3-1

Содержание

В.Д. Юшковский. Инженер Батеньков и томские чиновники: конфликт вокруг моста	2
Е.Е. Колосов. Потанин и Колосовы: перекличка через десятилетия	6
Я.А. Яковлев, Ю.К. Рассамахин. Томские щидероны в судебных заседаниях	10
В.М. Масленников. Последний секретарь Л.Н. Толстого	13
С.П. Вавилов, С.И. Осипова. Из Московской консерватории	18
Меломан Томский. Первое Сибирское хоровое общество	21
О.В. Раводина. «Кому нужно было калечить?...»	23
А.Б. Казачков. Живые картины	28
Я.А. Яковлев. «Трудовой народ, строй воздушный флот!»	32
Г.И. Игнатов. Встречи томича со Сталиными	36
В.М. Крюков. Томск - Татьяновка - Томск	40
Н.В. Хоничев. Кирпичный Томск	42
М.И. Зиньковский. «Я люблю серебристые ели...»	42
Е.А. Андреева. Домашний быт томичей начала XX века	43
 <u>На книжную полку</u>	
Э.К. Майданюк. Великолепная пятёрка	45
 <u>Томский биографический словарь</u>	
Н.М. Дмитриенко. Первый томский краевед и журналист	47
 <u>Уржатка</u>	
Рефлектор [В.П. Булыгин]. Заграничная смерть	48
 <u>На 4-й странице обложки</u>	
В.З. Нилов, Л.А. Усов. Алексей Филиппович Редчиц	49

«Сибирская старина»

→ Томская государственная областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина
→ Томский областной краеведческий музей
→ Томский региональный культурно-просветительный фонд им. П.И. Макушина

Краеведческий альманах

№ 24 2005 г.

Главный редактор

Я.А. ЯКОВЛЕВ

Редакционная коллегия:

Н.М. БАРАБАНЩИКОВА
С.П. ВАВИЛОВ
Н.М. ДМИТРИЕНКО
Э.К. МАЙДАНИЮК
Э.И. ЧЕРНЯК

Издательство Томского университета (634029, г. Томск, ул. Никитина, 4).

Редактор **В.С. СУМАРОКОВА**

Оформление и компьютерная вёрстка

© ООО Фирма «Ацтек» (г. Томск, Московский тракт 2, стр. 18, ЦНИЛ, тел. (3822) 528397

Адрес редакции:

Россия, 634050,
г. Томск, пр. Ленина, 75.
Телефон (3822) 768167

Тираж 500 экз.

Объём 5,7 усл. л.л.

ISBN 5-7511-1912-6

© Редакционная коллегия альманаха «Сибирская старина», 2005

Ссылка при перепечатке обязательна

29 октября. Для ускорения строительства Г.С. Батеньков предложил отдать работы на подряд арестантам или вольнонаёмным рабочим «под его наблюдением». В ответ дума просит прислать рисунок моста, имеющийся у губернатора, что и было сделано. Вместе с рисунком Г.С. Батеньков представил «перечневую выписку исчислению на постройку моста», напомнив о требуемых материалах. Одновременно продолжались работы по укреплению берегов Ушайки.

В течение всего 1818 г. дума направляла на строящийся мост плотников и чернорабочих, там же постоянно трудились колодники из острога. Но производительность работ была низка: велись они слишком медленно.

Между тем вмешательство генерал-губернатора И.Б. Пестеля придало конфликту особую остроту, и Г.С. Батеньков просит дозволения «оставить навсегда Томск», поскольку его труды «те-

перь при беспрестанных огорчениях... делаются менее, нежели бесполезными». Его втягивают в разбирательство по поводу якобы плохо оборудованного городского ключа.

Причём позиция Совета путей сообщения становится всё менее взвешенной и объективной. О том, что действия инженера Батенькова «не подлежат никакому обвинению», и, «сообразные с правилами искусства и бережливостью, засвидетельствовать могут похвалу», теперь уже не говорят. Чтобы уйти от трений с гражданскими властями, Г.С. Батенькова оставляют без всякой поддержки.

Среди прочего ему ставят в вину и неоконченные работы по строительству моста.

29 ноября. Письмо генерал-губернатора И.Б. Пестеля управляющему путей сообщения Ф.П. Деволанту: «Батеньков ещё не окончил никаких в Томске пред назначенных работ... Равно остаётся неоконченным и необходимое

строительство через протекающую средь города речку Ушайку нового моста. Батеньков уведомил губернатора... что вместо поправки старого моста... готов сделать новый простой конструкции, и что оный стоить будет не более 3 тысяч рублей, чего бы и починка старого потребовала; и что постройка сего моста будет окончена в конце сего 1818 года. Но, напротив, построение оного продолжается поныне и стоит уже городу более 12 тысяч рублей». А жители Томска не надеются, «при всех сих задержках, судя по действиям вешней воды, чтобы оный мост устоял». Что, собственно, и произошло.

Но винить в том следовало не Г.С. Батенькова и не архитектора А.П. Деева, который достраивал мост, а городскую власть, не сумевшую должным образом организовать работы.

В.Д. Юшковский
г. Томск

Иной раз деяния разных поколений одного рода вдруг самым неожиданным образом завязываются тугим узлом вокруг одного и того же события либо человека. Такое случилось и в нашей фамилии: на определённом отрезке жизни мой прадед Евгений Яковлевич Колосов и дед Евгений Евгеньевич Колосов оказались связанными с Григорием Николаевичем Потаниным...

Сначала, разумеется, о старшем Колосове – Евгении Яковлевиче. В литературе о сибирском областничестве его биографические данные освещались уже не раз. Тем не менее подробного жизнеописания этого неординарного человека в печати мне не попадалось, и я хочу исправить это упущение. Материалы для публикации в «Сибирской старине» были взяты из государственных архивов Омской, Томской и Читинской областей и Российского государственного исторического архива.

Е.Я. Колосов родился 5 января 1839 г. в семье чиновника в Нерчинске Забайкальского края (ныне Читинская область). Он был старшим из пяти детей. Отец – Яков Петрович – происходил из дворянского рода, владел деревянным домом и служил губернским секретарём в Нерчинском окружном управлении. Мать – Мавра Андриановна – как тогда водилось, была домохозяйкой.

Е.Я. Колосов воспитывался в Сибирском кадетском корпусе в Омске. Его имя, как окончившего корпус в 1856 г. одним из первых, было занесено на мраморную доску в зале 1-й роты. Дей-

Омский кадетский корпус, который закончил Е.Я. Колосов. Открытка издания Д.П. Ефимова. 1905 г.

ствительно, 16 июня того года Евгений Яковлевич был произведён из фельдфебелей кадетского корпуса в прапорщики.

Служба в конно-артиллерийских батареях сначала Сибирского линейного казачьего войска, а затем Забайкальского казачьего войска началась успешно. Первый офицерский чин. Бронзовая медаль на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 гг. А в самом начале 1860-х гг. подпоручик Колосов откомандирован в столицу для учёбы в Николаевской академии Генерального штаба. Казалось бы, дорога к большим чинам и достатку открыта.

Однако в Санкт-Петербурге он сблизился с сибирским землячеством, проникся некоторыми либеральными идеями, принял участие в студенческих демонстрациях. И вот следствие: решение бросить военную службу и посвятить себя общественной деятельности. Так на свет появился документ следующего содержания: «Высочайшим приказом 1862 г., февраля 28 дня подпоручик Колосов Е.Я. уволен от службы по домашним обстоятельствам с настоящим чином и без мундира и пенсиина по невыслуге на это законом положенного срока».

По словам Г.Н. Потанина, мечтой Е.Я. Колосова стала профессия, с которой можно было бы достичь независимости. Быть может, поэтому он так часто менял сферу деятельности. В середине 1864 г. работал доверенным золотопромышленной Баунтовской компании в Забайкалье, занимался пчеловодством в Баргузине. Затем последовал переезд в

Томск, где Евгений Яковлевич поначалу занялся переплётным ремеслом, а потом открыл частную школу-пансион на 11 мальчиков.

В Томске он вошёл в кружок Г.Н. Потанина, где активно обсуждалось будущее Сибири. Позже Григорий Николаевич даст такую характеристику своему земляку: «Целью своей жизни Е.Я. Колосов поставил пропаганду политических идей и рационализма». В это время Евгений Яковлевич находился под негласным надзором полиции: он подозревался в распространении среди учеников

Е.Я. Колосов

Томской мужской гимназии № 2 запрещённой литературы.

Тезис о независимой Сибирской республике, не раз звучавший на потанинских вечерах, Е.Н. Колосов не поддерживал. Тем не менее 23 мая 1865 г. его, вместе с Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым, арестовали, а через несколько дней всех троих этапировали в омскую тюрьму. Именно в Омске была создана следственная комиссия, которая до 27 ноября рассматривала обвинение участникам потанинского кружка в «сибирском сепаратизме», а затем передала их дело в Правительствующий сенат.

Ожидая приговора Сената, обвиняемый Колосов перевёл с французского книги Е. Ренана «Жизнь Христа» (Берлин, 1863).

В сентябре 1867 г. решение Сената «по следственному делу о злонамеренных действиях некоторых лиц, стремившихся к ниспроповеданию существующего порядка в Сибири и к отделению Сибири от России», было передано в Государственный совет. Значилось там и такое решение сенаторов: отставного подпоручика Е.Я. Ко-

Здание Омской гауптвахты, где во время следствия содержался Е.Я. Колосов

лосова «по обвинениям в знании о возмутительном воззвании (прокламации «Патриотам Сибири». – Е.К.) и недонесении о том правительству, а также в сочувствии им преступным замыслам отдельить Сибирь от России... оставить в сильнейшем подозрении, а за имение запрещённых сочинений Е.Я. Колосова заключить под арест на три месяца, а затем отдать под надзор полиции на три года».

Мнение Госсовета практически повторило решение Сената. Точку поставила резолюция на нём императора Александра II, собственноручно начертанная 20 февраля 1868 г.: «Быть по сему». В апреле приговор по делу кружка Потанина дошёл до Омска.

А 12 декабря 1868 г. омским полицмейстером текст приговора Колосову был внесён в указ № 1667, где особо подчёркивался трёхмесячный арест Евгения Яковлевича. Через полгода, 18 июня 1869 г. этот же чин позволил отбывшему наказание Колосову покинуть Омск. 28 сентября тот – в Томске, 15 ноября – у родителей в Нерчинске... Пролетели 3 года,

пока 8 сентября 1871 г. нерчинский полицейский пристав сделал отметку об окончании надзора за осуждённым «сепаратистом».

Достигшему возраста Христа Евгению Яковлевичу пришла пора задуматься о семье, и 5 мая 1872 г. в Михайло-Архангельском соборе г. Читы он обвенчался с Анной Георгиевной Разгильдеевой. Невеста из местных, забайкальских. Отец – русский чиновник, мать – из знаменитого и именитого эвенкийского рода Гантимуровых.

Молодая семья обосновалась в Нерчинске, у родителей мужа. Деть по тем временам в ней появилось в самый раз – восемь.

Поначалу глава семьи перебивался привычными делами: учительствовал, переводил. Известно, например, что в 1874 г., когда Г.Н. Потанин был полностью помилован по «делу о сибирском сепаратизме», Е.Я. Колосов отправил ему свой перевод статьи В. Радлова об Алтае (Radloff W. Rapport sur un voyage fait en 1863 dans L'Altai oriental // Bulletin de L'Academie Imperiale des sciences de St.-Peterbourg. 1865. T. VIII. P. 25–32).

Однако растущая семья требовала иного уровня обеспечения, и Евгений Яковлевич пошёл на госслужбу; 4 декабря 1874 г. он получил чин коллежского асессора. Со следующего года он с присущей ему энергией начал проявлять себя в органах городского самоуправления – например, дважды избирался заместителем городского головы.

30 апреля 1878 г. Е.Я. Колосов в Санкт-Петербурге подал в Комиссию прошений бумагу, в которой писал: «Дабы повеление было сие прошение принять и в уважение фактов, доказывающих о доверии ко мне общества и местного областного начальства, снять с меня подозрение, в котором я оставлен по суду по уголовному делу об отделении Сибири от Российской империи». В ноябре того же года министр юстиции в обращении к Правительствующему сенату предложил принять к исполнению императорское повеление о снятии с Е.Я. Колосова подозрения «по делу об отставном сотнике Потанине и других лицах».

В середине 1880-х гг. коллежский асессор Колосов перевёз семью в Томск, а сам работал в Ачинске акцизным надзирателем 4-го округа Восточной Сибири.

По воспоминаниям сына Евгения, отец в конце 1890-х гг. сделался марксистом: следил за «Новым словом» (литературно-научный и об-

Е.Я. Колосов в форме акцизного надзирателя. Томск. 20 октября 1894 г.

щественно-политический журнал 1884–1897 гг.), перевёл для себя труд Ч. Дарвина «Происхождение видов».

Умер он около 1903 г.

А теперь о третьем ребёнке из многочисленной семьи Евгения Яковлевича и Анны Георгиевны Колосовых. Он родился 4 января 1879 г. и был назван, как и отец, Евгением. Судьбой ему было предопределено стать известным социалистом-революционером. Об этом я расскажу в ближайших номерах «Сибирской старины». А пока — о Потанине.

Его воспоминания впервые увидели свет в газете «Сибирская жизнь» в номерах от 20 января 1913 г. по 10 сентября 1917 г. Однако не случайно ведь говорится: газета живёт один день. Понятно, что требовалось отдельное издание записок Григория Николаевича, но его антибольшевистская позиция оставалась ещё памятной советским чиновникам, и никто не горел желанием публиковать на обложке это имя. Предложение поступило... из тюрьмы.

Евгений Евгеньевич Колосов, который лично знал Григория Николаевича, в 1934 г. предложил издательству «Academia» издать потанинские «Воспоминания» со своими комментариями.

Он действительно в это время находился в советском политичес-

ком изоляторе, попросту — в тюрьме. Вместе с ним делила неволю и его жена Валентина Павловна Колосова (1880–1937). Она была младшей дочерью Клавдии Гавриловны Поповой — уроженки Томска, а затем жительницы Красноярска, сдававшей комнаты с домашним обедом политическим ссыльным. С 4 марта по 30 апреля 1897 г. перед отправкой в Шушенское у неё жил и В.И. Ленин.

Колосовы были активными деятелями Партии социалистов-революционеров, и этот факт после окончания Гражданской войны, конечно же, не мог не отразиться на их судьбе самым печальным образом. Последний арест в Москве и заключение на Лубянку произошли 14 февраля 1933 г. Евгений Евгеньевич безосновательно обвинялся в «создании эсеровско-народнической организации и использовании советской печати для пропаганды народнических идей», Валентина Павловна — в «организации контрреволюционной группы из числа правых эсеров, ставящих своей конечной целью свержение советской власти». Особое совещание при коллегии ОГПУ сочло необходимым заключить обоих в Сузdalский политический изолятор: она 16 мая 1933 г. была приговорена к двум годам, он 28 июня того же года — к трём.

Тамошний политизолятор в 1923–1939 гг. был устроен в Спасо-Евфимиевом мужском монастыре. Заключённые были размещены в двух постройках — келейном корпусе и монастырской тюрьме. Камеры, одну из которых занимали Колосовы, были рассчитаны на двух человек.

Е.Е. Колосову разрешили заниматься литературной работой, чем он, конечно же, с радостью воспользовался. В основном из под его пера выходили статьи и рецензии для историко-революционного вестника «Каторга и ссылка». Но во второй половине 1934 г. Евгений Евгеньевич, видимо, задумал более масштабную ра-

Е.Е. Колосов перед этапированием в Сузdalский политический изолятор. Москва, Лубянка. Июнь 1933 г.

боту и засел за комментарии к воспоминаниям Г.Н. Потанина. Главы газетной публикации из «Сибирской жизни», переплетённые в отдельный томик, находились в его камере, а позже были переданы дочери — Елене Евгеньевне Колосовой (1909–1986).

Ей же отец переслал доверенность на заключение договора с издательством.

Доверенность

Я доверяю дочери моей, Елене Евгеньевне Колосовой, заключить от моего имени договор с издательством «Academia» на работу по подготовке текста «Воспоминаний» Г. Потанина, редактирование его и составление к этому тексту необходимых комментариев.

Евгений Колосов

20-X-34. Подпись руки Колосова свидетельствует о дежурном Сузdalского политического изолятора.

В конце 1934 г. между родителями и дочерью шла интенсивная

переписка по поводу работы над потанинскими «Воспоминаниями». Вот выдержки только из двух писем по этому поводу

Отец – дочери:

19 декабря 1934 г.

Моя милая Элена!.. Что касается «Воспоминаний» Потанина, то ты сама теперь видишь, как дело затягивается. Дело не в том, разрешат или не разрешат мне заниматься литературным трудом, – никто мне этого и не запрещает, иначе не переслали бы доверенности. Дело в том, могут или не могут передать отсюда мои рукописи в издательство до окончания моего срока. На месте издательства я так бы поставил вопрос: печататься до окончания моего срока ничего не будет, а работать – пусть работает, кто станет это запрещать.

Моя милая Элена, имей в виду: работа по Потанину, по-

видимому, останется за мной, если даже сейчас контракт не будет подписан. Следовательно, возможно, будут твои дальнейшие переговоры...

Мать – дочери:

26 декабря 1934 г.

Дорогая Элена, за эту неделю мы получили от тебя телеграмму – 23.12. Неделю тому назад мы писали тебе снова – отец отвечал подробно на два твоих письма по поводу «Воспоминаний» Потанина...

В 1934 г. издательство «Academia» договор с Е.Е. Колосовым не подписало. После окончания сроков заключения Евгения Евгеньевича и Валентины Павловны в Сузальском политизоляторе власти не дали им обрести свободу – для них были уговорены ссылка в Тобольск, расстрел 12 августа 1937 г. и захоронение в общей яме на территории хоздвора Тобольской тюрьмы...

Более чем полвека потребовалось для восстановления справедливости: только в 1981 и 1986 гг. в серии «Литературное наследство Сибири» наконец-то увидело свет отдельное издание «Воспоминаний» Г.Н. Потанина (разумеется, не с колосовскими комментариями), а в 1994 г. были реабилитированы Евгений Евгеньевич и Валентина Павловна.

Е.Е. Колосов
г. Санкт-Петербург

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ:

О подробностях следствия о сибирском сепаратизме, где Е.Я. Колосов был одним из главных фигурантов, можно прочесть в недавно вышедшей книге воспоминаний и документов: Дело об отделении Сибири от России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Её ещё можно найти в магазинах...

Томские ющероны в судебных заседаниях

Реформа Александра II, превратившая представителя прокурорского надзора в обвинителя по уголовным делам, а судебное заседание – в публичный словесный поединок обвинителя и защитника, едва ли не главным профессиональным качеством прокурора сделала умение грамотно, логично и эмоционально излагать вслух свои мысли. Любой гигант логики, не умеющий произнести публичную речь, мог поставить крест на успешной карьере в органах прокуратуры. Ведь важно было не только ЧТО излагать, но и КАК

излагать. Не случайно же томские судебные репортёры отмечали: «Прокурор громил, защитник ворковал...».

Судебные заседания конца XIX - начала XX в. - это театр. Здесь был свой режиссёр (судья) и свои актёры (прокурор либо товарищ прокурора, присяжный поверенный, обвиняемый, свидетели), свои премьеры и свои провалы, свои ложи и свои галёрки, слёзы и аплодисменты... Публика и ходила в суд, как в театр. В зале заседания в те времена сидели не только родственники или знакомые участников процесса, но и просто любители зрешищ. В судебной хронике томских газет так и писали: «При докладе дел находилось довольно много посторонней публики».

А громкие процессы? Это же как долгожданные театральные премьеры! В этом легко убедиться, например, на процессе убийц семьи томского купца Б. Кана, проведённого 16 июня 1887 г. «Сибирская летопись» писала: «Исходом этого дела интересовался весь Томск, и в суд стремилась масса народа. Зала заседания была битком набита публикой, разместившейся, до 150 человек, на скамьях и нарочно поставленных для того стульях. Кому не хватало места в зале – теснились в прихожей суда, в коридоре и даже на улице; иные подъезжали в экипажах к окнам залы заседания, которые были по случаю

Угловы
го про
июня

жаркс
экипа
лад д
посет
нты
ства»
какие
бого

Ест
атре
актёры
приме
извест
слуша
суда л
дов та
бы
М.Н.
Малог
ров вс
они и
винции
пех хо